

В.С. МАЛАХОВ

Новое в междисциплинарных исследованиях

("Историко-ситуативный" метод в работах В. Тишкова)

Исследователей, представляющих новаторские подходы в общественных науках, редко встречают благожелательно. Коллеги обычно подвергают их остракизму, что, впрочем, не может помешать постепенному, зачастую неосознанному усвоению идей, предлагаемых новаторами. Именно так произошло с В. Тишковым - известным российским историком и этнологом. С одной стороны, его выводы отторгаются рядом специалистов, занимающих "ортодоксальные" позиции. С другой стороны, имеется достаточно широкий корпус публикаций, в которых звучат идеи, введенные в русскоязычный научный оборот именно Тишковым; также растет число последователей этих идей среди российских обществоведов, прежде всего историков, этнологов и политологов. О теоретико-методологических инновациях, вносимых в отечественное обществознание исследованиями Тишкова, и пойдет речь ниже.

Метод, который он сам называет "историко-ситуативным", восходит к традиции социального конструктивизма. Она была заложена еще в конце 1960-х годов П. Бергером и Т. Лукманом и продолжена в последующие десятилетия целой плеядой обществоведов, самый знаменитый из которых, пожалуй, П. Бурдьё. Оппоненты этого подхода приложили немало усилий для его вульгаризации, сводя конструктивизм к фабрикации. Однако ничего подобного данная методология, активно используемая и внедряемая Тишковым, не предполагает. К числу ее базисных допущений относится лишь утверждение, что общественно-исторические явления суть продукты человеческих действий (и в этом смысле они - социальные конструкты). Разумеется, эти конструкты не являются продуктами чьей-то воли. Они суть результат *непреднамеренных* усилий. Нелепо было бы полагать, что получаемый результат разнонаправленных стратегий различных групп и индивидов соответствует кем-то написанному сценарию. Это - первая и главная особенность социального конструктивизма как методологической установки.

Вторая его особенность состоит в последовательном проведении мысли, что социальная реальность *неотделима от ее понятийных определений*, т.е. от тех категорий, которыми пользуются агенты социального действия. Общественно-историческая действительность в известном смысле творится, производится (если кому-то не нравится слово "конструируется") человеческими понятиями. Это относится, прежде всего, к предисловиям, вырабатываемым обществоведами и лицами, ответственными за принятие решений.

Типичной иллюстрацией данного положения могут послужить существующие в тот или иной период номенклатуры народов-этносов. На уровне обыденного сознания количество "наций и народов", живущих на определенной территории, выглядит неким непреложным фактом, который ученым лишь предстоит зафиксировать. В обществе глубоко укоренена вера в возможность правильно подсчитать, сколько "на самом деле" живет в России или в отдельных ее регионах народов (а также

"народностей", "этносов", "субэтносов" и "этнографических групп"). И если до сих пор такие подсчеты страдали приблизительностью и противоречивостью, то объясняется это неточностью или "ненаучностью" методики их проведения.

Опираясь на многолетний опыт исследовательской и, что не менее важно, административной работы, Тишков показывает наивность такой веры, ибо ученые вместе с государственными чиновниками конструируют данный факт - число народов. Их перечень (принимаемый в определенный момент в конкретных обстоятельствах за истинный и окончательный) обусловлен не столько "объективной реальностью", сколько **методикой его составления**. Во-первых, это - классификации, предлагаемые учеными (лингвистами, историками и пр.). Во-вторых, критерии переписи, устанавливаемые государством (иногда - сугубо конъюнктурные). В Китае, например, в зависимости от механизма переписи населения, количество этносов на протяжении короткого промежутка времени колебалось между 400 и 55¹. Другой пример, приводимый Тишковым, - ожидающее нас в скором будущем "исчезновение" народа, называемого мордвой. Поскольку лингвисты и политические активисты этого региона настаивают на том, что "на самом деле" мордовский народ состоит из двух народов - эрзи и мокши, следующая перепись населения зафиксирует существование двух новых этносов на месте одного прежнего (что, кстати, уже произошло во время промежуточной переписи в 1994 году). Выход, предложенный Тишковым, признание множественной и не взаимно исключающей природы этнической идентичности, т.е. в случае с мордвой введение новой "дефисной" категории: мордва-эрзя и мордва-мокша [Тишков, 2000, с. 79].

Из положений о конструктивистской природе социальной реальности вытекают два существенных момента теоретико-методологических разработок Тишкова:

- отход от нерелективного детерминизма отечественной историографии советского и постсоветского периода;
- пересмотр эссенциалистской традиции российской культурной антропологии (этнографии).

Охарактеризуем каждый из этих моментов. Оспариваемую им интеллектуальную традицию сам Тишков называет "позитивистски-марксистской", имея в виду ту ее особенность, что, несмотря на декларируемый марксизм, в методологическом отношении отечественное обществоведение вообще и историческая наука в частности тяготели, скорее, к позитивизму, чем к марксизму. По сути, объект критики Тишкова - позитивистский историзм (в трактовке близкой к К. Попперу), сводимый к вере в наличие непреложных исторических закономерностей. Но нередко там, где историки усматривают проявление того или иного закона, на деле имеет место проявление устойчивого навыка мышления, который Тишков называет *постфактическими рационализациями*. Исследователи задним числом объясняют произошедшее действием некоего закона, тогда как в реальной динамике событий налицо столкновение многих сил и тенденций, и из-за возобладания одной из них вовсе не следует, что именно она *должна* была возобладать.

Характерный пример постфактической рационализации - объяснение распада Югославии и СССР и раздела Чехословакии как предрешенного. На самом деле в истории ничто не предрешено. Единственная историческая закономерность, которую признает Тишков, - это неопределенность истории, ее открытость. Профессионалы, исследующие ту или иную цепь событий с целью выявления лежащей в ее основе закономерности, закрывают глаза на многовариантность истории. Ремесло историка - в открытии и описании нюансов, в изучении имевшихся "опций". Последнее нужно не для того, чтобы попытаться переиграть случившееся, или, как говорили в советские времена, повернуть историю вспять. Изучение *имевшихся* опций необходимо Тишкову для понимания *имеющихся* на сегодняшний момент возможностей действия.

---

¹ В настоящий момент официально признано еще меньшее их число.

Антидетерминизм не означает тотального субъективизма и релятивизма. Отказ от поиска универсальных, все объясняющих законов истории, не есть отказ историка от обобщений, в том числе глобальных². Просто в противоположность свойственному отечественным историкам тяготению к крупномасштабным историческим явлениям, внимание ученого сосредоточено на "микроистории" на уровне индивидуальных решений и действий. Его интересуют, прежде всего, *частные стратегии* индивидов как агентов социального действия. Вот почему Тишков определяет себя как "социального историка", работающего на стыке двух дисциплин - истории и антропологии. Впрочем, условность междисциплинарных членений в современной общественной науке давно сделалась очевидной. Социальная антропология, культурная антропология (более или менее совпадающая с этнографией), историческая антропология - эти и другие обозначения служат, скорее, самоидентификации ученых, чем характеристикой объективной цеховой принадлежности проводимых ими исследований. Чем более творческий характер носит работа обществоведа, тем меньшее значение имеют для него междисциплинарные перегородки.

Труды Тишкова - прекрасная тому иллюстрация. Одну из своих основных работ он назвал "Политическая антропология". Продуктивность этого исследовательского направления и его отличие от обычной политологии, а также от только что упомянутой социальной антропологии, заключается в следующем. Предмет политической антропологии - человеческое измерение политического и политическое измерение человеческого. С одной стороны, человеческое существование, не только на социально-культурном, но и на бытовом уровне, пронизано политикой. В той мере, в какой индивиды и группы вступают в отношения по поводу власти, они вступают в политические отношения. С другой стороны, политика имеет антропологическое измерение. Политическое поведение людей определяют не только объективные интересы, но и субъективные представления о нормах, фобии, идиосинкразии и т.д. Яркий пример того, как подобные идеи трансформирует социум, - культивирование в обществе постулата о неизбежном распаде "советской империи". Не укоренилась в массовом сознании (и в сознании представителей политического элит) столь глубокая уверенность в том, что СССР - нежизнеспособный монстр, дни которого сочтены, возможно, не случилось бы и тотального краха этого государства, и процесс его преобразования принял бы иные формы. Строго говоря, внимание Тишкова сосредоточено как раз на взаимопереплетении различных факторов, которые в каждом отдельном случае лежат в основе принятия решений.

В своих работах, посвященных антропологии конфликта или насилия, ученый стремится дать ответ на в высшей степени не простой вопрос об их побудительных факторах. Скрупулезное изучение Тишковым перипетий конфликтов на постсоветском пространстве (им подробно проанализированы - осетино-ингушский, ошский³ и, разумеется, чеченский⁴) позволяет ему сделать вывод об исключительной роли интеллектуальных элит в конструировании конфликтного политического пространства. Во-первых, они консультируют политиков, принимающих решения. Во-вторых, они своим воздействием на общество через СМИ осуществляют коллективную мобилизацию. Наконец, идеологические конструкции, которые интеллектуалы "забрасывают" в массы, определяют векторы трансформации общественного сознания. В этом кон-

---

² Пример такого рода обобщений - вывод Тишкова о том, что "новая Россия возникла не в результате распада СССР, наоборот, СССР распался после того, как возникла новая Россия, т.е. после того, как Б. Ельцин и поддерживавшие его политические силы фактически одолели союзный центр во главе с М. Горбачевым, вернее, лишили его способности и воли к сопротивлению и к отправлению власти" [Тишков, 2000, с. 43].

³ Проанализированы в книге "Очерки теории и политики этничности" [Тишков, 1997, с. 354-400, 401-524].

⁴ Анализ этого сюжета вылился в отдельную работу "Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны" [Тишков, 2001].

тексте красноречивая иллюстрация воздействия интеллекта на ситуацию - влияние книги А. Авторханова об истории "народоубийства" чеченцев и ингушей на рост сепаратистских настроений в Чечне в начале 1990-х годов.

В рамках концепции социальной истории Тишков ведет постоянную полемику с советской и постсоветской "объективистской" школой исторических исследований. Их подход, пишет он, имея в виду методологию своих коллег, "игнорирует объяснение, основанное на... частной стратегии и личностной мотивации, на роли постоянно меняющихся диспозиций участников социального пространства, в том числе в сфере властных взаимоотношений, и, наконец, на роли случайных, эмоционально субъективных и моральных побуждений и действий" [Тишков, 2001, с. 45]. В своем же объяснении конфликта в Чечне Тишков делает упор на анализ "амбиций лидеров и моральных установок на реванш после пережитой коллективной травмы", а не на глубинные культурно-исторические структуры или "цивилизационные разломы". Наивной вере в "объективную" историю - в историческую науку как простое отражение реальности Тишков противопоставляет понимание исторического знания как интегративной части конституирования реальности. Ученый исходит из того, что "история как осмысленная версия - это современный ресурс, и в принципе каждое новое поколение пишет свою собственную историю, как и в каждом поколении присутствуют конкурирующие версии с разными шансами стать если не единственными, то хотя бы доминирующими". Историческая реальность не существует как таковая, вне и независимо от человеческих представлений о ней. Огромная роль в формировании этих представлений принадлежит историкам. Предлагаемые ими изображения произошедшего суть не что иное, как концепции последнего; события прошлого никогда не предстают в историческом описании в некоем чистом виде. "*Stories* рассказываемые нам историками, не следует принимать за *History* История - это почти всегда призыв и предписание и это всегда - субъективный взгляд" [Тишков, 2000, с. 20, 21].

Дискурсивная организация общественно-исторической реальности для Тишкова не просто абстрактный теоретический постулат, а рабочая гипотеза, продуктивность которой он постоянно доказывает в ходе конкретных исследований. Так, в "Очерках теории и политики этничности" и в англоязычном труде "Пожар в умах" (*The Mind Aflame*) Тишков подробно анализирует практику "этнической инженерии" советских лет и вклад, внесенный в эту область интеллектуалами. В данных работах можно найти много неожиданных и поучительных сведений о том, как "народы" и "народности", в объективном существовании которых мало кто сомневается, *создавались* политиками, в свою очередь консультировавшихся с историками, лингвистами и этнографами. О том, как чертились и перечерчивались границы, вызывая к жизни или, напротив, обрекая на небытие общности, которые привычно называют "этнотами". О том, как "малые идентичности подводились под более крупные категории": в переписи 1926 года это 530 малых групп, включенных в состав 194 крупных; в 1937 году это 769 групп в составе 168; в 1989 году это 823 группы в составе 128 [Tishkov, 1997, p 16-19].

Не менее важна роль Тишкова в пересмотре отечественной традиции в изучении сущности понятия "этничность". Во многом благодаря его усилиям этнология начала постепенно переходить от эссенциалистских постулатов школы Ю. Бромлея к набору более гибких и отвечающих современной реальности исследовательских подходов. К их числу относятся, в частности, "социальный конструктивизм". Поскольку в российском публичном дискурсе, как на уровне элит, так и на уровне так называемого обывденного сознания, широко распространено представление об особой деликатности "национального вопроса" и "национальных отношений"⁵, отстаивать в этой области конструктивистские взгляды крайне трудно. Даже такой трюизм современного об-

---

⁵ Под первым из них терминов обычно имеют в виду проблему этнических меньшинств, под вторым - межэтнические отношения.

шествоведения, как определение наций в качестве "воображаемых общностей" (термин и одноименная книга Б. Андерсона 1983 года), вызывает в некоторых российских политических кругах чуть ли не скандал. Ученый, однако, убежден и не устает убеждать других: "...то, что часто выдается за исключительную чувствительность этнического самосознания к внешним оценкам, не есть порождение глубинных структур сознания или выражение этнической психологии, а выученная из публичных деклараций и даже из академических текстов позиция" [Тишков, 2000, с. 69].

В рамках предлагаемого им подхода Тишков обнаруживает *социальные отношения и социальные формы* там, где коллеги-этнографы привыкли видеть некие естественные образования (именно так мыслятся этносы в эссенциалистской интерпретации). Теория этноса, развитая Бромлеем и его последователями, определена метафорой организма. Этносы (равно как и "нации", рассматриваемые в этой традиции как результат развития этносов) выступают здесь как "биосоциальные" целостности. И сколько бы оговорок ни делалось о важности не только их биологического, но и социального компонента, органицистская логика сохраняет решающее значение. Этносы воспринимаются как аналоги живых существ, рождающихся, проходящих стадии формирования, расцвета и упадка и т.д. Отсюда, кстати, происходит колоссальная, причем далеко за пределами академической среды, популярность у нас писаний Л. Гумилева. Сотни журналистов, радио- и телеведущих сознательно или бессознательно воспроизводят гумилевские клише, рассуждая о "пассионарности" народов, их "судьбе" или роковой предопределенности дружить с одними и воевать с другими из своих соседей.

Когда на рубеже 1980-1990-х годов к российским читателям пришли недоступные ранее многочисленные труды зарубежных ученых, многим казалось, что эссенциалистскую традицию удастся переломить. Но этого не произошло. Место, освободившееся после краха прежних идеологием ("развитой социализм", "советский патриотизм", "моральный кодекс строителя коммунизма" и пр.), было тут же занято этнонационализмом. Этничность как форма групповой солидарности оказалась настолько эффективной в организации политического действия, что всякая попытка ее деконструирования средствами научного анализа была почти заранее обречена на непопулярность. И представители интеллектуального сообщества, и, тем более, люди с улицы восприняли этнократию, восторжествовавшую во многих частях бывшего СССР, не иначе как выражение "триумфа наций" (термин французской исследовательницы Э. Данкос).

Голос Тишкова, не раз замечавшего, что речь на самом деле идет о торжестве *метафоры "триумф наций"*, заглушил тогда хор голосов интеллектуалов и политиков, мыслящих эссенциалистскими категориями, и потому убежденных, что этничность выступает как некое архетипное явление, без обращения к которому невозможно полноценное социальное знание. Отсюда целая череда конструктов этнографического романтизма, например тот же феномен "чеченства", которые предстают в публичном дискурсе как отражение фундаментальных социально-культурных и культурно-исторических реалий. И этнографы, описывавшие чеченцев как "уникальный этнос", и журналисты, популяризирующие их труды, убедили большую часть общественности, как минимум, в следующем:

- вооруженная борьба чеченцев с российским государством - проявление загадочности древнего народа, который невозможно заставить жить в рамках современных правовых и моральных норм;

- в основе конфликта лежит непонятый и плохо изученный феномен военной демократии и т.д. Между тем не феномен "чеченства" породил войну - напротив, сам он в своем нынешнем виде был порожден войной, будучи сконструированным в ходе конфликта. Он имеет отнюдь не культурную (историческую), а *политико-идеологическую* природу, ибо создан из историко-культурного материала для *современных* политических целей.

Принципиальное положение Тишкова относительно природы этничности состоит в понимании последней как *формы социальной организации культурных различий*. Для определения этнической группы (т.е. для того чтобы описать группу в качестве "этнической") недостаточно набора объективных реалий - некоего культурного материала, находимого этнографами. Этнические общности определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы считают для себя значимыми. Причем значимость эта может быть навязанной извне: члены группы считают своими именно те черты, посредством которых их характеризуют представители внешнего окружения.

Итак, решающий признак существования той или иной этнической группы - наличие этнического самосознания, т.е. готовности индивидов, относимых к данной группе, считать себя ее членами. Правда, во избежание недоразумений следует сразу оговориться, что Тишков не редуцирует этничность к этническому самосознанию. Понимание этнической группы как социального конструкта предполагает следующие допущения:

— этнические группы во многих случаях суть *институциональные* образования (в бывшем СССР и в сегодняшней России этничность - один из самых эффективно функционирующих - благодаря государственной поддержке - институтов);

- реальность этничности есть *реальность отношений*; в той мере, в какой социальное взаимодействие организовано как взаимодействие между такими группами, эти группы обретают самый что ни на есть реальный статус;

- организация любых человеческих коалиций, включая этнические, "определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организация ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости, общий контроль над ресурсами и политическими институтами и обеспечение социального комфорта в рамках культурно гомогенных обществ" [Тишков, 2000, с. 70, 71].

Иными словами, дело заключается в примате отношений над образами: в разумении того обстоятельства, что категории знания (будь то "этнос", "класс" или что-то еще) фиксируют в конечном итоге человеческие отношения. В противном случае обществоведов грозит опасность реификации - восприятия феноменов, за которыми стоят человеческие действия, в качестве существующих самих по себе.

Осмысление Тишковым проблем этничности в конструктивистских категориях, сделанное им в статьях "О нации и национализме" (1996), "О феномене этничности" (1997)⁶ и "Забыть о нации" (1999)⁷, естественно, вызвало неприятие его идей большинством специалистов по национальному вопросу, продолжавших анализировать его в категориях "научного коммунизма". Упомянутым работам вменялись в вину субъективизм и релятивизм, односторонность и недиалектичность, не говоря уже о недостатке патриотизма⁸. Такое восприятие тезисов Тишкова основано на эмоциях

⁶ Обе статьи вошли в книгу "Очерки теории и политики этничности" [Тишков, 1997].

⁷ Первоначально публиковавшаяся в журналах "Вопросы философии" и "Вопросы этнографии", эта статья легла в основу отдельной главы в книге "Политическая антропология" [Тишков, 2000].

⁸ Куда более весом упрек Тишкова к коллегам, пренебрегшим и пренебрегающим изучением антропологии повседневности, в частности "этнографии советское™". Сам ученый, в противовес политическим метафорам ("всеобщий ГУЛАГ", "тюрьма народов", "советская империя"), показывает условную "нормальность" того общества, которое существовало и советские времена. При всех аномалиях и деформациях типичности, сложившийся в Советском Союзе, характеризовался практически всеми чертами, которыми обычно описывают здоровые социумы. Цели, которыми люди руководствовались в повседневной жизни, функционирование различных видов социальных объединений, формы поведения, включая девиантное (от банального воровства до супружеской неверности), - во всех этих проявлениях советский человек был более сходен с жителями так называемых нормальных стран, чем отличен от них. Однако в силу идеологической "зашоренности" отечественная общественная наука "упустила этнографию советскости" [Тишков, 20(К), с. 282], сведя многообразие и сложность советской жизни к нескольким публицистическим клише. Эта же публицистическая редукция происходит и сейчас, когда исследователи (не говоря уже о публицистах) упорно не желают видеть глубинных трансформаций общества, продолжая упорно повторять затверженные штампы о "преступном режиме" и "обнищании народа".

и недоразумении. Ведь ученый выступает как раз за *национальную* государственность (в противовес этнократической), за *национальные* интересы (в противовес узкогрупповым, и в частности этническим), за *национальную* общность (которую нельзя подменять этнической, конфессиональной). Однако само возникновение этого недоразумения в высшей степени не случайно. Оно великолепно иллюстрирует одну из любимых мыслей Тишкова: слова воздействуют на практику. Теоретические концепты могут непосредственно или опосредованно определять практические, в том числе политические, решения. Устаревшие и неточные, но окруженные аурой научности, слова-концепты *заклучают в себе программу действий*.

Яркий тому пример - название ведомства в правительстве Е. Гайдара, возглавить которое в 1992 году пригласили Тишкова: Министерство по национальной политике. Поскольку "национальная политика" в развитых странах означает *государственную* политику, (так же, как "национальные интересы" означают государственные интересы) и поскольку от данного учреждения ожидали совсем иной деятельности — регулирования межэтнических отношений и обеспечения прав этнических меньшинств, Тишкову пришлось потратить немало сил, чтобы убедить тогдашних руководителей страны в неадекватности существовавшего названия. К компромиссу прийти удалось, и структуру было решено переименовать в Министерство по делам национальностей. Но даже в новой, более мягкой редакции это словосочетание имплицитно содержало весьма специфический смысл: *a priori* предполагалось существование отдельных, фиксированных "национальностей" (эвфемизм для "наций", понимаемых в качестве "этносов"), у которых есть особые интересы, "дела" и пр. Тем самым энергия людей и огромные административные ресурсы направлялись в сомнительное русло - на улаживание трений между конкурирующими друг с другом этническими группами, вместо того, чтобы способствовать консолидации России на гражданских основах.

Как уже отмечалось, Тишков полемизирует с упрощенным "историзмом" постоянно, но нигде эта полемика не является столь энергичной, как при исследовании вооруженного конфликта в Чечне, материалы которого во многом подтверждают его теоретический постулат о воздействии представлений или понятий-конструктов на так называемую объективную реальность. Скрупулезно воспроизводя историю этого конфликта, используя богатую документальную базу и этнографические наблюдения⁹, ученый не забывает о главном. Он глубоко убежден в том, что чрезвычайно опасно рассматривать произошедшее в русле *ретроспективного упорядочения* — организации фактов прошлого таким образом, чтобы они выстраивались в линию, неизбежно ведущую к сложившемуся положению дел. Идя по такому пути, историки, иногда невольно, а иногда вполне сознательно способствуют легитимизации весьма сомнительных политических структур. Как раз так произошло с ситуацией в Чечне: стоило только прозвучать декларациям о возникновении нового независимого государства, как тут же появились научные обоснования его неизбежности.

Вред, наносимый историческим нарративом в случае неумелого его использования, заключается, таким образом, в придании респектабельности эфемерным политическим режимам, какими, безусловно, были режимы Д. Дудаева и А. Масхадова.

---

⁹ Социально-культурная и возрастная стратификация чеченского общества конца 1980-х - начала 1990-х годов, устройство семьи и семейных отношений, публичные дискурсы, конкурирующие друг с другом в республике после провозглашения независимости, роль тейпов в организации социальной жизни и распределении власти (последнюю, как полагает Тишков, не следует преувеличивать), функции ислама в политике чеченской администрации 1991-1994 и 1996-1999 годов, хозяйственная жизнь в ситуации войны и перемирия - неполный перечень тем, проработанных автором серьезно и с привлечением внушительного эмпирического и теоретического материала, включая несколько десятков свидетельств непосредственных участников событий (в книге звучат голоса 55 информаторов). Это придало исследованию особую точность и напряженность. Причем автор учитывает и свой собственный политический опыт: он - бывший федеральный министр, член коллегии Миннаца России, участник российско-чеченских переговоров 1992-1994 годов, автор аналитических записок по чеченской проблеме.

Более того, история, превращаясь в "ретроспективную телеологию" (определение А. Альтюссера), служит дурную службу общественному сознанию: она укрепляет веру в запрограммированность определенного варианта развития событий, а значит, блокирует иные варианты, парализуя активность индивидов. Люди начинают всерьез верить, например, в то, что переход от полиэтнических государств к моноэтническим - доминирующая тенденция современности. А когда такая вера охватывает умы тех, кто принимает решения, она чревата самыми тяжелыми политическими последствиями. Тишков вспоминает, как посол России во Франции Н. Афанасьевский рассказывал ему в марте 2000 года, что «во время его вовлеченности в дипломатические усилия по предотвращению дальнейшей дезинтеграции территории бывшей Югославии известный российский политик Н. Рябов высказал мнение, что "все эти усилия тщетны, ибо пришло время создания моноэтничных государств"» [Тишков, 2000, с. 36].

Коль скоро история является не просто "одним из жанров академического нарратива", но и "мощным объяснительным и мобилизационным ресурсом", Тишков призывает к крайней осторожности в обращении с ней. Исторические экскурсы важны и необходимы, но при условии, что прибегающие к ним помнят: прошлое дает ответ отнюдь не на все вопросы настоящего; далеко не все вызовы сегодняшнего дня могут быть истолкованы как развертывание проблем дня вчерашнего или как выход наружу противоречий и конфликтов, находившихся в латентном состоянии. Но, к сожалению, именно неадекватно интерпретируемый принцип историзма часто лежит в основе анализа социально-политических ситуаций современности. Показательно, что практически все научно-практические конференции по чеченской проблеме в первой половине 1990-х годов были, по сути дела, конференциями историческими¹⁰. В противоположность наивно-историцистскому сознанию Тишков, прибегая к историческим экскурсам, внимательно следит за тем, чтобы они не превращались в универсальную объяснительную модель. Анализируя такие события, как насильственная коллективизация 1930-х годов или депортация чеченцев 1944-1957 годов, автор тщательно избегает какой бы то ни было мифологизации. Его интересуют факторы, оказавшие воздействие на формирование *современного* культурного сознания чеченцев. Политика "коренизации" 1920-1930-х годов, индустриализация и связанная с ней урбанизация общества, функционирование в Чечено-Ингушетии институтов социализации, характерных для советского государства в 1950-1980-е годы, - все это, как показывает Тишков, способствовало глубоким изменениям чеченского общества и чеченского менталитета. Причем эти изменения носили столь принципиальный характер, что изображение чеченцев в жанре этнографического романтизма (в качестве гордых и благородных горцев или, напротив, мстительных, не затронутых цивилизацией дикарей) - в лучшем случае наивность, а в худшем - провокация. Скрупулезный анализ ситуации в Чечне, равно как и в ряде других регионов постсоветского пространства, приводит автора к выводу, что "исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионе бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Это, прежде всего, современные конфликты современных акторов (участников) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений" [Тишков, 2001, с. 61].

Изучая природу конфликта и насилия, Тишков утверждает также, что исходный пункт рассуждений на эту тему - тезис о примате индивидуальной ответственности над коллективной виной. Насильственный конфликт в его понимании — прежде всего, "сумма индивидуальных преступных действий". Обращаясь к ситуации на Северном Кавказе, ученый показывает, что у конфликтов в данном регионе, помимо социально-экономических, были идеологические причины. Главная из них - идеология этниче-

---

¹⁰ ¹⁰ Вот примерный перечень обсуждавшихся на них тем: генерал А. Ермолов, шейх Мансур, имам Шамиль, история тейпов, история суфизма, история чеченской диаспоры, история русско-чеченских отношений и т.д.

ской государственности. В условиях либерализации общественного порядка, слабого государства, экономического кризиса и моральной дезориентации эта идеология породила "неверные установки, неисполняемые законы и решения властей, бесполезные споры и неоправданную напряженность между людьми" [Тишков, 2000, с. 319]. Отвечая на вопрос о путях и способах преодоления насильственных конфликтов, ученый исходит из примата права, а это означает, что необходим пересмотр политико-идеологических установок, переход от этнических основ правления к общегражданским.

Что касается культурного многообразия, то в этом пункте Тишков - категорический противник тех, кто связывает возникновение конфликтогенных ситуаций с гетерогенностью населения. Само по себе культурное многообразие не служит источником конфликта. Но культурные различия могут использоваться в качестве оправдания деструктивного политического действия. Проводниками такого действия выступают не только местные политические и финансово-экономические элиты, но и так называемые "внесистемные активисты". К их воздействию на динамику конфликта Тишков относится к особым вниманием. К числу его нетривиальных выводов принадлежит заключение, согласно которому одна из наиболее важных причин возникновения политического насилия - недостаточная информированность акторов и недостаточная компетентность лидеров: многие конфликты выливаются в насилие потому, что акторы не знают об имеющихся у них альтернативах действия.

Приверженность тезисам о *дискурсивной природе* большинства социальных феноменов и о *предписывающей*, а не только объяснительной функции схем, создаваемых учеными, позволила Тишкову переосмыслить стереотипные подходы к проблеме взаимодействия большинства и меньшинства в рамках единого социального пространства. В этой области он ведет полемику не столько с российскими, сколько с западными коллегами. Так, модель "меньшинств", лежащая в основе построений многих американских обществоведов, в конечном итоге служит политическим императивом: поддерживать притязания меньшинств (прежде всего этнических групп), направленные против того или иного "подавляющего" их большинства (в первую очередь государства). Иначе чем политико-идеологическими пристрастиями не объяснить и то обстоятельство, что западные антропологи настаивают на термине "национальные меньшинства" применительно к России, тогда как в отношении собственных стран предпочитают вести речь об "этнических" и "культурных" группах. Американские коллеги Тишкова, упорно продолжая называть российские этнические меньшинства "нациями", в то же время отказываются обозначать этим словом, например, гавайцев или индейцев навахо.

Тишков энергично противостоит реификации понятия "меньшинство", а именно она в настоящее время доминирует в зарубежной социально-культурной антропологии. Меньшинства (лингвистические, этнические, расовые, а также субкультурные и сексуальные) превратились в сакральный объект сегодняшнего академического курса. Тишков же решается на отстаивание непопулярной среди западных антропологов позиции, согласно которой XXI век - в отличие от XX, который был "веком меньшинств" - должен стать "веком большинства". По мнению ученого, лозунги защиты меньшинств настолько часто приводят к нарушению прав большинства, что настало время поставить вопрос о защите "большинства" от агрессивного напора "меньшинств". Вернее, от напора амбициозных лидеров последних, умело представляющих собственные корпоративные интересы в качестве интересов целой социальной группы.

В этом контексте конструктивистский подход, используемый Тишковым при осмыслении феномена диаспоры, приобретает большой аналитический потенциал⁶. Традиционные дефиниции определяют диаспору как устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую за пределами своей исторической родины. Но при измерении степени устойчивости этих совокупностей исследователи резко расходятся во мнениях. Некоторые, подобно У. Сэфрэнэ, пытаются выделить основные признаки диаспоры:

- рассеяние из первоначального центра;
- наличие памяти или мифа об исторической родине;
- убеждение в том, что они никогда не будут приняты новой страной;
- видение исторической родины как неизбежного места возвращения;
- преданность ее поддержке и восстановлению;
- наличие групповой солидарности.

Однако под этот идеальный тип не подходит ни одна из существующих на сегодня диаспор. В том числе еврейская, на примере которой Сэфрэн сконструировал свою модель. Члены определенной группы могут быть хорошо интегрированы в культурное и политическое пространство принимающего общества, могут вообще не иметь никаких связей с "исторической родиной" и, тем не менее, проявлять "диаспорное поведение". В противовес исследователям, ищущим объективных характеристик сущности, именуемой "диаспора", Тишков акцентирует внимание на том обстоятельстве, что "без индивидуального членства нет и самой диаспоры как некоего коллективного тела" [Тишков, 2000, с. 139].

Другой существенный аспект формирования диаспоры (здесь Тишков согласен с Сэфрэном) - коллективная память: готовность некоторой совокупности людей идентифицироваться с определенной версией общего прошлого. Диаспора конституируется в первую очередь через самоидентификацию индивидов, относимых к данной группе. Однако эта самоидентификация отнюдь не всегда добровольна: чаще всего она "навязывается" индивидам окружением или, как выражается Тишков, представляет собой результат *предписания*. Индивиды и группы, которых внешний взгляд определяет, например, как "индийцев", настолько отличны друг от друга в культурно-языковом отношении (гуджаратцы, маратхи, бенгальцы, тамилы, телугу и десятки других), не говоря уже о конфессиональных и кастовых различиях, вряд ли когда-либо согласились бы считать себя членами одного сообщества. "Индийцами" они становятся под взглядом принимающего общества.

Третий и, пожалуй, решающий момент в концепции диаспоры, отстаиваемой Тишковым, - понимание диаспоры в качестве *политического проекта*. То, что позволяет отнести ту или иную группу мигрантов к "диаспоре", зависит в конечном итоге не от некоего набора объективных культурных черт, а от стратегий социального поведения индивидов. Само по себе происхождение из одного и того же культурно-языкового ареала не влечет за собой их объединения в группу, называемую диаспорой. "Диаспору объединяет и сохраняет нечто большее, чем культурная отличительность. Культура может исчезнуть, а диаспора - сохраниться, ибо последняя как политический проект и жизненная ситуация выполняет особую по сравнению с этничностью миссию. Это - политическая миссия служения, сопротивления, борьбы и реванша" [Тишков, 2000, с. 157].

В заключение остается подчеркнуть, что по иронии судьбы историко-ситуативный метод, продуктивность которого доказана трудами Тишкова, хотя и не разделяется всей академической средой, оказывает осязаемое воздействие на российский публичный дискурс. Некоторые идеи, высказанные ученым в начале 1990-х годов в бытность его федеральным министром и в период работы над концептуальными документами коллегии Миннаца, звучат сегодня из уст официальных лиц, ранее не воспринимавших его позицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте: этнография чеченской войны. М., 2001.
 Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997.
 Тишков В.А. Политическая антропология. Lewinston-Queenston-Lampeter, 2000.
 Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union: the Mind Aflame. London, 1997.